

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 41 (3852)

Суббота, 5 апреля 1958 г.

Цена 40 коп.

НОВАЯ ВЕСНА

ПРАЗДНИЧНО-ЩЕДРОЕ солнце апреля плывет над неоглядыми далами нашей Родины. Апрель — это месяц раннего цветения. Мощно разрезались полевые работы на юге, а сибиряки-хлеборобы готовятся к посевной...

Новая весна — это не только весна природы, это весна небывалого расцвета народных помыслов, народных дерзаний.

На этот раз она озаменована особенно счастливыми свершениями, величественными и добрыми делами советского крестьянина. Где только не пришлось мне в эти дни побывать на бескрайних просторах Восточной Сибири, всюду шел взволнованный сердечный разговор о новом Законе, принятом Верховным Советом СССР, — об этом воистину великом Законе колхозной жизни.

Весна в забайкальские степи приходит не сразу. Только лишь в конце апреля ломается лед, и быстрые волны Селенги мчатся вдоль невысоких горных гряд и живописных долин, покрытых бархатисто-зелеными луговыми травами. Однако в нынешнем году весна пришла значительно раньше, и уже опасны пути по селенгинскому льду.

Кяхтинским трактом я выехал в забайкальские степи, чтобы прежде всего побывать в Селенгинской МТС и прилегающих колхозах. Как и везде в Сибири, колхозы поражают здесь масштабами своих площадей. Надо сказать, что знаменитый тракт проходит всего лишь через три района — Иволгинский, Селенгинский и Кяхтинский.

Дорога шла по раздольным степям, через перелески и холмы, а по бокам

подымались отроги Саян, вечнозеленых у своей подношвы и девственно-снежных у самых вершин.

— Какие благодатные пастбища, если бы не засуха, — заметил попутчик, — да еще и мелнирации бы побольше...

За пределом огромного Иволгинского района, где некогда много лет работал мой попутчик, начался Селенгинский — владения артели имени XVIII партсъезда. Председателем этой артели работает Иван Ильич Хайдуков, бывший ветврач.

Однако Хайдуков, как нам сообщили, находится в МТС, и мы решили с ним увидиться именно там.

В колхозе имени Тельмана мы также остановились, полагая, что сумеем увидеть здесь Очирова, одного из наиболее талантливых колхозных руководителей этого края. Однако и здесь нам сообщили, что председатель — в МТС.

— Там сейчас все председатели, — пояснил парторг.

...Одним из первых вылезал идти в колхоз на постоянную работу из МТС Гинден Жамбалов, бригадир передовой тракторной бригады, в прошлом участник Великой Отечественной войны.

В Селенгинской МТС Гинден вот уже около десяти лет. В колхоз имени Сталина наряду с его бригадой ухаживают целенаправленно две тракторные бригады. А всего до шестидесяти механизаторов, среди них десять коммунистов и пять комсомольцев. Крепкое ядро...

Секретарь партбюро Афанасий Агилдин говорит о серьезном назна-

чении будущего РТС, которым надлежит безотказно обеспечивать работу колхозной техники.

— Мелноративный отряд мы оставляем при РТС, это очень мобильная группа. Ее задача — бороться с засухой до ее возможного появления, — замечает он, — пожалуй, с весны!

О такой технике, которую ныне получили колхозы, можно было только мечтать. С увлечением говорят председатели о новых перспективах развития колхозного производства.

...Впереди — весенний сев, и вооруженные могучей техникой колхозы Забайкалья готовятся к новому наступлению во имя будущих урожаев, во имя дальнейшего роста производства мяса, молока, шерсти.

Михаил ВЕРШИННИН
УЛАН-УДЭ — КяхТА

ДОРОГИЕ СОВЕТСКИЕ ГОСТИ

КАК ВЫГЛЯДИТ наша столица — Будапешт в эти дни? Как принял наш народ дорогих советских гостей? На первый взгляд кажется, что ответить нетрудно. Но это не так. Когда начинаешь подбирать эпитеты, слова, то быстро убеждаешься: один из них слишком избитый, другие — банальные, а третьи — просто недостаточно выразительны. Очевидно, лучше всего излагать события в хроникальном порядке.

Будапешт в одеянии флагов, в цветах. В витринах магазинов — портреты Н. С. Хрущева, Яноша Кадара, К. Е. Ворошилова, Иштвана Доби, Ференца Мюнхика. Празднично выглядит не только город. Сами люди в эти дни какие-то праздничные, настроение у всех приподнятое. А встреча Партийно-Правительственной делегации Советского Союза на аэродроме вылилась в подлинно народное торжество.

Несколько дней люди на заводах и фабриках, в учреждениях волновались: каждому хотелось попасть на аэродром. Но только 30 тысяч счастливых из более чем миллионного населения столицы смогли присутствовать в тот торжественный момент, когда на аэродроме в голубом сиянии приземлился серебристая стела «ТУ-104».

Советские читатели уже знают, с какой теплотой, искренней радостью приветствовали будапештцы советских товарищей. Знают и о том, что еще в среду начались переговоры между Партийно-Правительственными делегациями Советского Союза и Венгерской Народной Республики.

Вчера, когда советская делегация возлагала венки у памятника советским воинам на площади Свободы, произошел волнующий эпизод, нарушивший официальный распорядок. Н. С. Хрущев вышел из-за оград, охватывающей памятник, смешался с трудящимися. В этот момент его обнимали какая-то будапештская работница. Подбежали радостные, веселые малыши-дошкольники. Они не понимали взволнованных слов товарища Хрущева, но тем выразительней были для них его улыбка, ласковое рукопожатие.

А вечером, когда в оперном театре проходило торжественное заседание, посвященное 13-й годовщине освобождения

Венгрии, прилежные руки будапештцев еще и еще украшали дома, добавляя цветы и портреты. Столица готовилась к предстоящему параду и митингу...

Жители будапештских окрестностей встретили рассвет сегодняшнего дня на ногах. Они ждали специальных поездов, чтобы скорее попасть в столицу, на митинг. В нем приняли участие и трудящиеся Эстергома, Бекеша, Надпапа, Кешкешфехервара, Пустасабольча. Люди не только хотели слышать, но и видеть советских гостей.

Парад проходил у городского сада. Прямыми рядами шла пехота, промчались танки. Затем на площадь вступили отряды добровольной рабочей милиции, одетые в новую форму. А тем временем в различных пунктах столицы собирались трудящиеся.

Вот со стороны Андальфельда, Дуго, Обуда на площадь приближаются колонны. Идут трудящиеся Кишешта, Чепеля, Эржебета. Десятки, сотни тысяч людей собрались на митинг, внимательно слушали речи товарищей Яноша Кадара и Н. С. Хрущева.

«Товарищи! — сказал Н. С. Хрущев. — Более 100 лет назад великий венгерский поэт Шандор Петерфи с горечью писал: «У нас нет в мире народа-брата, которого мы могли бы просить о помощи, который бы нам помог; мы одиноки, как дерево в пустыне...» Социализм изменил это положение. Венгерский народ — равновправный брат в могучей семье народов социалистического содружества.

Трудящиеся Венгрии понимают, что обеспечить прочность своих социальных завоеваний они могут только в братском союзе с народами других социалистических стран.

И повсюду на земле нашей родины миллионы людей склонились к радиоприемникам, собрались у репродукторов, внима словам приветов, братства и дружбы посланцев великой Советской страны.

Шандор РОКАШ,
венгерский журналист

БУДАПЕШТ, 4 апреля. (По телефону)

МОЛОДЫМ — СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ НАУКИ!

ЛЕТ ТРИДЦАТЬ назад на улицах Ленинграда можно было встретить пожилого седобородого человека, шедшего поздним вечером, опираясь на палку, с Васильевского острова почти через весь город, за Невскую заставу, на стекольный завод, — городской транспорт еще не был окончательно налажен. Случалось, что по несколько раз в неделю вышагивал старик почти пятнадцатикилометровой путь...

Это был академик Рождественский. Что вело его из уютной университетской квартиры на завод, к которому ученый не имел даже прямого служебного отношения? Горячее молодое сердце подлинно ученого, тот священный огонь науки, который всегда давал человеку силы на самых трудных подъемах науки, а в те годы молодая советская наука только становилась на ноги.

Этот огонь вдохновенных исканий горел в первых советских домах и марше, мерцал над скромными спиртовками биологов и медиков, взлетал к небу над кострами геологов. И люди, чьи лица освещает этот неугасимый огонь, без устали шли и шли вперед, прокладывая дорогу молодым поколениям.

Сорок лет — это лишь утро для страны, первой вступившей на социалистический путь. Но для человека этот срок — целая жизнь, наполненная множеством событий, поисков, неудач и побед. Нашим ученикам предстоит радостное восхождение на новые, еще более высокие вершины науки, восхождение, кое в чем подготовленное нами. Людям же моего возраста вступать на некоторые из них. И если молодежь перенимает у нас эстафету науки, то нам следует рассчитывать ей путь и помогать идти — писать учебники, обобщать впечатления и опыт жизни.

Мне кажется, что передача эстафеты науки от старшего поколения ученых к младшему налажена у нас еще плохо.

МНЕ ХОЧЕТСЯ напомнить простую вещь. Ведь убежденные сединами профессора, которые выходят сегодня в вузовские кафедры, — это в большей части командиры первых пятилеток. Люди, которые отдали молодой советской науке и промышленности не только все свои знания и инженерные способности, но и страсть ученых, патриотизм, искателей. Эти люди пустились в труднейшую, а порой и рискованнейшую погоню за научной тайной, той самой тайной, которая сегодня — радостная глава учебника.

И вот сегодня эти люди обязаны передать своим ученикам-студентам не только знания и опыт, но и тот огонь, то умение, которые помогают отказаться от многого ради главного в науке. И если перед глазами учеников возникнут не сухие формулы и схемы, а личность учено-

МОЛОДЫМ — СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ НАУКИ!

го, вся его жизнь, полная увлечательных исканий и настоящей романтики, вот тогда в аудитории наступит чуткая тишина, а в глазах студентов загорится огонек, который много лет назад вел нас самих все вперед и вперед — к победам науки.

ЛЕТ ТРИДЦАТЬ назад на улицах Ленинграда можно было встретить пожилого седобородого человека, шедшего поздним вечером с Васильевского острова, почти через весь город, за Невскую заставу — на стекольный завод... — так нередко начинаю я свою лекцию об оптическом стекле. Студентам Технологического института имени Лавоуэра, кафедре стекла которого я руковожу вот уже три десятилетия, важно знать о составе оптического стекла, о его технологии, о его обработке. И все-таки начинаю я с рассказа о том, как несколько ученых, среди них Д. С. Рождественский, Н. С. Курнаков, В. Е. Тихченко, И. В. Гребenschikov (все они стали впоследствии академиками), а вместе с ними и я, тогда главный инженер стекольного завода, бились над тем, чтобы впервые создать советское оптическое стекло.

Наша страна ощущала острую потребность в оптическом стекле, но лицензия была репертуры его производства, технологии его варки. Мы направили наших представителей за границу, чтобы раздобыть нужные материалы, но иностранные монополисты оптической линзы не захотели поделиться с нами своими профессиональными секретами. Между тем отечественное оптическое стекло должно было появиться во что бы то ни стало. Его ждали пограничники, разведчики, артиллеристы. И вот тогда-то началось маминте для каждого из участников этих событий недели, когда все мы, ученые и инженеры, не уходя с завода, ночью на скамьях в лаборатории, разогретая чай в колбах на спиртовках, искали отгадку научной тайны.

То было незабываемое время. Бессонные ночи, сотни опытов закалили нас, делая мудрее. И, наконец, пятисотая по счету экспериментальная варка принесла победу. В результате огромного, кропотливого труда удалось создать наиболее прогрессивную технологию варки оптического стекла и наладить отечественное его производство. Это само по себе было важнейшим достижением. Однако решающим обстоятельством было то, что все мы присутствовали при рождении советской науки, проверяя наши опыты не только жаром пламенных печей, но и высоким накалом патриотических чувств.

КСОЖАЛЕНИЮ, мы подчас мало делаем для того, чтобы люди, для которых сорок лет Советской страны явились сорока годами сознательной творческой деятельности, могли пе-

редать молодому поколению эстафету науки. Не каждый из нас, представителей первого поколения советских ученых, увлекательно пишет, зачитательно говорит. Иные ушли на покой и оставили шумные институтские коридоры. Но ведь живя огонь их исканий не угас! Нужны люди, которые помогли бы старым ученым рассказать о своей жизни. Такими людьми должны были стать литераторы. Тогда на свет явились бы десятки новых книг, наполненных горячей романтикой былых боев и открытий, книг, которые объяснили бы многие наши победы и лишения бы в ряды настоящих ученых десятки и сотни молодых людей.

В книгах моих сверстников-ученых отразился бы не только их богатый опыт и огромные знания. Со страниц этой литературы, жанр которой был бы средним между учебником, научно-популярной повестью и мемуарами, навстречу читателю шагнул замечательный ученый, заслуживающий того, чтобы их мысли, их огонь, их мечты продолжали жить и вдохновлять наш разум. В одной из своих книг о стекле, которая выйдет скоро в издательстве Академии наук, я рассказываю о двух замечательных людях — об Алексее Николаевиче Толстом и Вере Игнатьевне Мухомовой. Я бережно храню письма этих выдающихся художников. Алексей Толстой, несмотря на огромную работу, им проводимую, нашел время, чтобы, увлекшись художественным стеклом, стать по существу, подлинным инициатором создания в Ленинграде завода художественного стекла, имеющего сегодня общесоюзное значение. За последние годы своей жизни немало труда вложила в это дело и Вера Игнатьевна Мухомова. Она упорно и неутомимо искала пути для того, чтобы сделать стекло предметом и материалом скульптуры. Письма ее полны бесконечных вопросов об особенностях технологии обработки стекла. В феврале 1945 года Вера Игнатьевна писала мне по поводу одной из своих скульптурных работ: «Нельзя ли перевести этот портрет в стекло у вас в институте? Ведь так важно показать на выставке, которая приурочивается к Победе, и это наше достижение! Николай Николаевич, миленький, ужасно хочется, может быть, можно? Хотя одним экземпляром показать, что стекло — скульптурный материал».

Люди, встречи, впечатления жизни — все это помогает ученому глубже, всесторонне увидеть и понять многие явления и факты, увлечь ими других.

НАСТУПАЕТ день, когда студент заканчивает институт и выходит в жизнь инженером, исследователем, ученым. Чем более зрелым становится молодой ученый, чем больше растет его интерес к науке, чем более самостоятельно

он начинает мыслить, тем меньше он нуждается в руководстве. Руководитель должен ослабить «поводья», приветствовать инициативу и самостоятельность своего ученика и помощника. Разве руководитель лаборатории может испытывать по отношению к своему быстро успевающему ученику что-то вроде ревности? Напротив, такой молодой ученый, которому, делается предметом гордости научной лаборатории, ее руководителем.

Как-то Илья Васильевич Гребenschikov сказал мне после одного совещания на кафедре стекла по вопросам шлифовки: «Знаете, Николай Николаевич, ведь ваши-то ученики начинают вас обгонять», и потом, довольный, захохотал, прибавив: «Ну, да не беда, так и должно быть!»

Да, так оно и должно быть! Старшее поколение первооткрывателей всегда шли вперед, прокладывая дорогу молодым; а те двигались еще дальше и поэтому становились первыми, отодвигали мрак не открытых истин и опять пропускали вперед молодое поколение.

Поэтому-то молодежь и составляет нашу надежду, наше завтра. Это вы, наши ученики, достигли величайшей за всю историю человечества победы — запустили в космос первые искусственные спутники Земли. Это вы, наши ученики, пойдете дальше нас и окажете вперед, среди еще не освещенной тьмы, которую надо осветить огнем разума, открытий, научных подвигов. Теперь это будет тьма величайших, бездонных глубин космоса. Я верю — вы сможете сделать это.

«Per aspera ad astra» — «через тернии — к звездам», — говорили древние. Вы прервали эту позитивно-философскую поговорку древних в реальную программу действий! Вы подхватите факелы, потягивающиеся в стариковских наших руках, а на небе над нашей головой засияет новый млечный путь — это будет путь ваших космических кораблей. Мы, предшественники и учителя, мы — что подслезлив! — останемся на старой земле. Мы запрокинем голову в небо и с гордостью за советскую науку, за наш народ, за наше чудесное будущее подумаем: «Счастливого вам пути! Пусть ветры далеких миров не задуют ваши факелы, как не смогли задуть их ветры старушки-земли. Ветры удачи повсюду, но ни одному из них не погасить нашего с вами огня, потому что в нем — свет разума, жар молодого сердца. Тьма, однажды отступившая, стигнет перед этим жарким светом навсегда!»

Так подумает мы, старик. Впрочем, наверное, так же думал и седобородый человек, ходивший тридцать лет назад, опираясь на палку, с Васильевского острова, почти через весь город — на стекольный завод...

Праздник в кишлаке

У НАС радостное событие, приездятели!

И вот с утра по широкой асфальтированной дороге в кишлак Дурмень, в гости к колхозникам сельхозартеля «Кызыл Узбекистан» Орджоникидзевского района Ташкентской области устремились машины с горожанами. В центре кишлака гостей встречали колхозники во главе с председателем Абдумажидом Маткабуловым. Хлопкоробы были одеты по праздничному, у многих на груди сверкали золотые звезды Героев Социалистического Труда, ордена и медали.

Особенно многолюдно было в помещении, где в несколько рядов стояли тракторы разных марок, хлопкоробочные и другие машины, принадлежавшие МТС.

К полудню огромный колхозный двор и прилегающие к нему улицы были переполнены народом. Начался митинг. Первым выступил директор МТС С. Абдурашидов. Он рассказал о росте технической интеллигенции кишлака, которой предстоит выполнить боевую программу дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства. Машинно-тракторная станция передает в колхоз 70 механизмов-водителей. Теперь они — жители этого же кишлака — будут и членами сельхозартеля.

Председатель колхоза напомнил собравшимся историю артели. Еще в 1938 году основные работы на полях выполнялись вручную, мало было техники, еще меньше механизаторов.

— Сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1953 года явился поворотным пунктом в сторону крутого подъема, — говорит оратор. — Мы объединили десять маломощных колхозов в один и уже в прошлом году подняли урожай хлопчатника до 38 центнеров с гектара. Денежный доход колхоза составил от хлопководства 15,5 миллиона рублей, от животноводства и овощеводства — свыше одиннадцати миллионов рублей. И вот сегодня мы покупаем у МТС необходимые нам машины.

Порадовала собравшихся забота правления колхоза о труде и быте механизаторов. Уже построена электрифицированная ремонтная мастерская с необходимыми станками вплоть до новейших токарных, гараж на 20 автомашин. В ближайшее время будут сооружены общежитие и столовая. Механизаторы получают типовые дома с присущими им удобствами.

После митинга состоялась торжественная церемония подписания документов о передаче техники МТС колхозу.

Халид ГУЛЯМ,
корреспондент
«Литературной газеты»
ТАШКЕНТ

Хлеба будет больше

В КОЛХОЗАХ и совхозах, на строительных площадках и шахтах Караганды — везде большой трудовой подъем. Радостные, волюющие итоги сессии Верховного Совета СССР придают силу, вдохновляют людей на подвиги.

В эти дни нам удалось побывать на строительных площадках казахской Магнитки, недалеко от Караганды. Молодежные бригады заняты необычной работой — они воюют с металом, льдом и снегом. Девушки с сапогах, ватниках, с кирками и лопатами в руках с азартом под свист ветра очиняют от льда строительную площадку. Бригада, руководимая молодым мастером Ерузаном Абылдиным, ведет строительство первой в Казахстане домны. На днях вся бригада была награждена грамотой комитета комсомола.

Каждый день уже прошедшей сессии карагандинские шахтеры отмечали новыми рекордами добычи угля. Новаторы первого участка шахты № 37 озаменовали дни работы сессии Верховного Совета СССР рекордом производительности горного комбайна «Донбасс-1».

Решения Верховного Совета о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС, об одностороннем прекращении Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия всколыхнули всех труженников полей,

заводов и шахт центрального Казахстана.

Лучший механизатор Карагандинской области Герой Социалистического Труда Нуркен Айтуганов, в эти дни ставший членом сельхозартеля имени Калинина, выдвинул предложение об организации в колхозе школы ремонтников с тем, чтобы каждый, окончивший эту школу, мог отремонтировать сельскохозяйственные машины.

Артель имени Ленина уже приобрела у МТС 27 тракторов, 24 комбайна и много других машин. Механизаторов волновал вопрос: каковы будут условия труда в колхозе? Оказалось, что и в артели можно установить такой порядок отпусков и выходных дней, как в МТС. Во многих колхозах решен также вопрос об оплате больничных листов.

Каждый труженник — будь то шахтер или механизатор, строитель или пахарь — горячо приветствует Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций. И каждый из них убежденно говорит: хороший шаг! Хорошие решения принял Верховный Совет! Хлеба будет еще больше!

А. АЛИМЖАНОВ,
корреспондент
«Литературной газеты»
КАРАГАНДА

Мастер новатора 23-го сборочного цеха 2-го часового завода Е. Лаззаканит работнич с решениями сессии Верховного Совета СССР. Фото А. Ялина

★ СССР торгует с 70 странами мира. ★ Основной вид экспорта — промышленное оборудование. ★ Экспортируются «ТУ-104». ★ Торговля служит делу мира.

НА СТЕНЕ — большая карта мира. Множество тонких шелковых нитей лучами расходятся от Москвы в различных точках земного шара, обозначая страны, с которыми Советский Союз поддерживает торговые связи. Эту карту мы увидели в Министерстве внешней торговли СССР в тот момент, когда на ней «прокладывали» новые торговые пути. За последнее время на страницах газет мы все чаще и чаще встречаем сообщения о заключении Советским Союзом торговых договоров с различными зарубежными государствами. Корреспондент «Литературной газеты» обратился к министру Ивану Григорьевичу Кабанову с просьбой рассказать о развитии внешней торговли Советского Союза.

— Внешние торговые связи нашей страны за последние годы значительно расширились, — сказал министр. — Если в 1946 году СССР вел торговлю с 40 странами, то в настоящее время число их превышает 70. Только за 1957 и начало 1958 года нами впервые были заключены торговые договоры и соглашения с Марокко, Тунисом, Камбоджей, Японией и Цейлоном. Мы имеем соглашения об экономическом сотрудничестве с Индией, Сирией и Египтом. Советский Союз оказывает этим странам содействие в развитии их национальной экономики; при этом, естественно, расширяется и товарооборот.

Важно отметить, что торговые

Наши торговые связи

связи Советского Союза с иностранными государствами характеризуются полным равноправием сторон, уважением их суверенитета, соблюдением взаимных интересов.

Внешняя торговля Советского Союза в послевоенный период неуклонно возрастала. Ее оборот, составлявший 5,7 миллиарда рублей в 1946 году, превысил 33 миллиарда рублей в прошлом году.

Основным фактором, определяющим быстрый рост оборотов внешней торговли СССР за послевоенный период, служит развитие экономического сотрудничества со странами народной демократии. Увеличивается также и торговля с капиталистическими странами. Объем нашей внешней торговли за период с 1946 по 1957 год увеличился с социалистическими странами более чем в шесть раз, с капиталистическими — более чем в два с половиной раза.

Особенно развилась торговля с Китаем, Германской Демократической Республикой, Чехословакией, Польшей, значительно увеличилась с Финляндией, Англией и Францией. Однако возможным расширением этих связей со странами Западной Европы ограничиваются дискриминацией, все еще применяемой по отношению к Советскому Союзу правительствами ряда стран.

После второй мировой войны Советский Союз установил непосредственные торговые связи со многими странами Азии и Афри-

ки. Мы имеем сейчас договоры и соглашения с шестнадцатью странами этих континентов. Товарооборот Советского Союза со слаборазвитыми в экономическом отношении государствами по сравнению с 1946 годом увеличился почти в шесть раз.

Высокие темпы развития промышленности СССР, и особенно машиностроения, позволяют выдвигать для экспорта промышленную продукцию во все возрастающем объеме. Это нашло свое отражение в соотношении готовых изделий и сырьевых товаров. Так, если до войны на готовые изделия приходилось менее 40 процентов советского экспорта, то теперь их удельный вес составляет около 60 процентов. И происходит это за счет увеличения вывоза оборудования, изделий черной металлургии и других товаров обрабатывающей промышленности.

Социалистические страны покупают советское оборудование, необходимое им для развития промышленности. В последние годы экспорт промышленного оборудования в страны Азии и Африки — в первую очередь в Индию, Египет, Афганистан.

Нужно сказать и о том, что слаборазвитые в экономическом отношении страны, получая наше промышленное оборудование, расширяются в основном обычными товарами своего экспорта; при этом Советский Союз никогда не ставит никаких усло-

вий политического или военного характера.

Благодаря подъему тяжелой промышленности экспорт оборудования увеличился со 150 миллионов рублей в 1946 году до 2,6 миллиарда рублей в нынешнем году. Теперь Советский Союз экспортирует почти все виды машин и транспортных средств — от реактивных пассажирских самолетов «ТУ-104», турбобуров и угольных комбайнов до комплектного оборудования различных предприятий тяжелой промышленности. Экспортируем мы также нефть и нефтепродукты, уголь, руду, лесоматериалы и т. д.

Важное значение для нашей экономики имеет импорт. За последние годы внешняя торговля обеспечила поставку нашему народному хозяйству значительного количества оборудования, средств транспорта, сырья и предметов народного потребления. За это время было ввезено около двадцати пяти тысяч металлообрабатывающих станков, около сорока тысяч автомобилей, более трех миллионов тонн проката черных металлов, большое количество торговых пассажирских и рыболовных судов из социалистических стран, из Финляндии и стран Западной Европы.

Наряду с этим был расширен импорт продовольственных и промышленных товаров. Советский Союз импортирует маслосемена, мажорану, хлопчатобумажные ткани, сахар. За послевоенные годы в страну завезено 3,8 миллиона тонн сахара, 2300 тысяч тонн риса, 1200 тысяч тонн мяса и мясорубочных, более ста миллионов метров шерстяных тканей, около пятнадцати миллионов пар кожаной обуви и много других товаров. В прошлом году предметами широкого потребления, завезенными из зарубежных стран, составили свыше десяти процентов розничного товарооборота страны. Увеличение импорта продовольственных и промышленных товаров широкого потребления, позволившее значительно улучшить снабжение населения, — еще одно свидетельство неустанной заботы партии и правительства о благосостоянии народа.

— Советский Союз, обладая обширными и разнообразными ресурсами, — говорит в заключение И. Кабанов, — добился огромного развития своей экономики; внешняя торговля призвана помогать успешному выполнению планов экономического строительства в стране.

В соответствии с директивами XX сессии КПСС осуществляется дальнейшее расширение внешней торговли Советского Союза. Мы стоим за самое широкое развитие торговых отношений между всеми странами, что отвечает ленинской политике мирного соуществования стран с различными социальными системами и способствует укреплению благополучия дела мира.

Вечер, посвященный А. М. Горькому

Большим культурным событием явилось празднование 90-летия со дня рождения великого русского писателя, основоположника советской литературы Алексея Максимовича Горького.

3 апреля в Москве состоялся торжественный вечер, посвященный знаменательной дате. В Концертном зале имени П. И. Чайковского собрались представители общественности столицы. В президиум — писатели старшего поколения, которым довелось встречаться и работать с Горьким, и более молодые литераторы, родные Алексея Максимовича — Екатерина Павловна и Надежда Алексеевна Пешковы, внуки Дарья и Марфа.

В кратком вступительном слове первый секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков говорил о Горьком как об одном из великих и выдающихся сынов русского народа, смелом борце за дело рабочего класса, создавшем великие эстетические ценности.

МЕСТО ОЧЕРКИСТА — НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Горьким, а равно и в наше время, в литературном строе проходила на открытом партийном собрании и заседании писателей очеркиста и научно-художественной литературы. Материалом для очерка писателя РСФСР в связи с появлением новой литературы и положением очерка и публицистики в «толстых» литературно-художественных журналах за три месяца 1956 года.

На последнем большом заседании вступительного слова Е. Рязанцева, отмечавшего явное отставание очерка от важнейших событий жизни, состояло принципиальное обсуждение недостатков в работе писателя-очеркиста. В выступлениях Ф. Писаревского, В. Ситина, Л. Кудрявцева, М. Златовласки, В. Волгина, И. Вигинского, В. Канторовича, Д. Данина, Ф. Малява, Г. Нагаева, А. Злобина, А. Медникова, И. Шнига, Ф. Пудалова, С. Крутинкина и других вкратце были затронуты основные проблемы очерка. Некоторые успехи московского отряда очеркистов — выход книги И. Винничено, выпуск шести книжек библиотечной очерка «Мир науки», «Мир техники», «Мир культуры» и коллективной сборника «О тех, кто строит Москву» и книги о промышленности «Сегодня и завтра» — не дают повода для оптимизма. Хорошие очерки и публицистические статьи редко появляются в газетах и журналах. Особую тревогу вызывает положение очерка в «толстых» литературно-художественных журналах, где, кроме серьезных, запоминающихся очерков И. Винничено и А. Смирнова-Черезова, по сути дела, не было других больших выступлений на насущные темы сегодняшней жизни. Очеркисты Г. Нагаев, В. Величко, И. Вигинский, С. Крутинкин, Ф. Малов и другие сообщают о том, что в ближайшее время они выйдут в поход. Группа писателей-очеркистов приступает к созданию коллективной сборника очерков, посвященного первому году работы совхозов; намечено издать альманах «Мир науки».

Анатолий СОФРОНОВ ПЕСНЯ В. Мурадели Как будто кто-то, проводя По крышам проложив, Соединил города Все на один моток. Путь ты не знаешь языка, — Пришел сюда таким, Но руку жмет тебе рука: Москва — Пекин, Москва — Пекин.

Летишь: озеро и поля, И чай-то сад и дом, И незнакома земля Проходит под крылом. Но вот ступил на землю ты — И снова не один. — Тебе и песни и цветы: Москва — Пекин, Москва — Пекин. Что может больше счастья дать Для каждого творца. Коль он заставил зазвучать Народные сердца? Одно с другим соединив, Нишу лес вершин... Как жизни наши, твой моток: Москва — Пекин, Москва — Пекин. Пусть ты не все еще сказал, Но, что б ты ни сложил, — Раз ты такое написал, Недаром, значит, жил. Вся жизнь, весь мир в твоей судьбе, Все отдашь другим, И это — как маяк тебе: Москва — Пекин, Москва — Пекин.

НЕСМОТЯ на упорное сопротивление зимы, весна вступает в свои права — с каждым днем она отодвигает все дальше границы снежного покрова на север. В последние дни граница уже проходит по линии Ровно — Черныгов — Курск — Луанск — севернее Сталиграда. Все теплее и теплее становится в Центральной полосе. В Москве теперь днем температура достигает уже шести градусов тепла, в Костроме — пяти, Пензе — четыре. Даже на Крайнем Севере за последнее время было всего два градуса ниже нуля.

Как сказало состояние погоды на весенних полях работ? — Этот вопрос корреспондент «Литературной газеты» задавал заведующему отделом агрометеорологических прогнозов Центрального института прогнозов А. Процерову. Вот что он ответил: — Прошедшее в середине прошлого месяца похолодание несколько задержало полевые работы. Заморозки повредили раскрывшиеся бутоны и цветы абрикоса на Кубани, в Крыму и Закавказье. Частично пострадала листва озимой пшеницы в некоторых областях левобережной Украины и Ростовской области. Задерживаются всходы яровых на Кубани.

— А как с прогнозом на ближайшее время? — Особых перемен погоды в ближайшие 5-6 дней не ожидается, — ответил А. Процеров. — Наступает весеннее потепление, по-видимому, наступит во второй половине апреля — в первых числах мая.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ВБЛИЗИ РОДНОГО ГОРОДА»

В ОТВЕТ на помещенную в № 108 Вашей газеты за 1957 г. статью «Вблизи родного города» Министерство здравоохранения РСФСР планирует строительство на Дальнем Востоке санаториев для больных туберкулезом легких, с заболеванием органов пищеварения и пионерского лагеря типа «Артек».

В нынешнем году во всех республиках организованы на лето санатории и дома отдыха или отделения при них для матерей с детьми. Под Москвой, в Кратове, будет открыт дом отдыха для семейниц. В разрабатываемом в настоящее время семилетнем плане санаторно-курортного строительства предусматривается строительство облегченных летних корпусов при действующих санаториях. Широко развывается амбулаторное лечение больных в курортных поликлиниках и разрешено организовать его при санаториях. Колончеленство курортное увеличилось с 1956 года на 100 тысяч в год.

Организация пансионатов для путешествующих на собственных машинах поручена Министерству торговли. Совет Министров СССР обязал исполкомы местных Советов депутатов трудящихся организовать посреднические бюро по аренде жилья у населения для тех, кто прибывает на курорты без путевок.

М. КОМУТОВ, заместитель министра здравоохранения СССР

ЧИТАТЕЛИ НАПОМИНАЮТ

МНОГО времени прошло с тех пор, как на страницах «Литературной газеты» была опубликована статья «Двенадцать пугонки и два кролика». Большинство читателей, письма которых поместила газета, поддержало это выступление. Признав полезность школьной формы, авторы писем говорили о необходимости изменить, упростить ее, сделать более удобной и красивой.

Минувший год, пошел второй, а никаких результатов не видно. По-прежнему наши малыши напяливают на себя уродливые уныло-серые, мешковатый костюм с двенадцатью пугонками и двумя кроликами.

Особенно неприглядно выглядят бумажные костюмы для мальчиков. Шьются они из грязно-серой байки, ворс на которой очень быстро вытирается. На колечках и локтях начинают сверкать светлые «лысины». После двух стирок костюмы из этой байки превращаются в облезлую тряпку.

Надо сказать также, что форма эта рассчитана на холодное время года. В теплую погоду, в нормально натопленных классах школьникам в ней жарко. У нас в Сталинграде, например, как правило, в течение 3-4 месяцев учебного года

школьную форму фактически не носят. Ни один разумный педагог не настаивает на том, чтобы школьники «парились» в гимнастерках и закрытых пальтах, когда на улице 25-градусная жара, а в классе температура доходит до 30 градусов.

Видно, нужно вновь вернуться к этому вопросу и добиться того, чтобы он был, наконец, доведен до такой стадии разрешения, когда в магазинах появятся достаточное количество красивой, удобной и доступной по цене различной слюня населения форменной одежды для школьников, приспособленной для теплого и холодного времени года.

Следует заметить, что большинство образцов детской обуви совсем не отвечает потребностям детского возраста. Школьная форменная обувь должна быть удобной, прилично выглядеть и в то же время выдерживать те «нагрузки», которые выпадают на ее долю.

Вопросы о школьной одежде затрагивают интересы миллионов наших людей. Неожотно, почему Министерство просвещения РСФСР, Академия педагогических наук, а также работники швейной и обувной промышленности до сих пор не приняли никаких мер для их разрешения.

М. ЗАБАВИН

СТАЛИНГРАД

КОГДА позвонили из детской комиссии второго отделения милиции, мама отчетливо помня, что эта неделя перенасыщена событиями. Голос с жесткими педагогическими интонациями спросил: — Алик Зубарев, одиннадцатилетний блондин, без особых примет, у вас пропisan? — С сорок седьмого года, — подтвердила мама и схватилась за сердце. — Внесите штраф за несоблюдение общественного порядка и заберите подростка. Вечером Алик радостно рассказывал, как он вместе с приятелем сумел довести до нервного тика застенчивого прохожего в соседнем переулке. В ход были пущены совсем квинные средства воздействия: деревянные пистолеты стандартного калибра и термоядерные, но несколько неопределенные в своей силе.

— Это тебе за стекло, выставленное на кухне!.. Это тебе за драку в школе!.. Это тебе за деревянные пистолеты стандартного калибра!.. А теперь сообразишь, куда, кто тебя сделал таким трудновоспитуемым? — Грacious, — всхлипуя трудновоспитуемый.

— Это еще что за птица? — Грacious — это верный помощник неустрашимого Нила Кручинина.

— И тут мама ослепла: — Я знаю, почему у Алики пробулдился инстинкт! — В прошлом году Зубарев-старший принес домой два тоненьких томтика в красной и синей обложках как чарующим грифом «Библиотека военных приключений». Тихому семилетнему сыну был нанесен коварный удар.

Отец, отложив срочные чертежи, проглотил повесть о приключениях некоего разрушителя границы. Мать, отбросив экзотическую вышивку, одолела повесть о похождениях некоего разрушителя правопорядка. Алик, нетерпеливо теребя, дожидаясь своей очереди.

Нет, зря обвиняла папа бедного Алика в хулиганских действиях. Это было вовсе не хулиганство и даже не банальное роковое озорство. Стекло на кухне было выставлено не как никуда, а в полном соответствии с правилами криминалистики. И драка в школе совсем не была вульгарной схваткой сверстников, при которой трещат зубы, а под глазами возникают сиреневые дули. Это было вздумчивое освоенное неклассического наследия.

НЫНЧЕ уже трудно установить с научной скрупулезностью, как это было в жизни. То ли совещание в издательстве собралось по поводу пошатнувшейся материальной базы. То ли не доставало местным деятелям вселенской славы. Но произошел приблизительно такой ментальный разговор.

— Эх, издать приключенище бы как-нибудь... Походжендище бы... — Но кого бы? — закручинился литредактор. — Пинкертона не ловко. По забит. По заброшен... А ведь надо, надо замыслить что-нибудь этакое... В духе и в свете...

И тут вмешался коррентный бухгалтер. В тишине кабинета раздался его вынятный шепот.

— А что, ежели создать своих родных Пинкертонов? В год, знаете, принесут доходов эдак... Эта творческая мысль решила все. Вскоре на книжный рынок, как высекопано выражаются издатели и деятели торговли, хлынул поток томиков в упомянутых красной, синей и голубой и даже зеленой защитных обложках.

Они были густо, тесно коммунальная квартира. Населены селдоргинскими учеными и разведчиками, которые то и дело пребывают охоту на вальдшнепов, чтобы проводить своих юных помощников... «одобрительным взглядом». Увлекается, конечно, слишком спешит с категоричными выводами — и тут же отправляется на поиски диверсанта. (См. «Особая примета» С. Русанова и многое подобное).

Они с худо скрывающейся симпатией поговаривали о комсомольце Гинке по кличке «Серый» или «Кау-

рий», и воре высшего пилотажа Князе И Граве, череп которого «сам Ломброзо, признанный современниками великим физиологом...» отнес бы к типу людей с возвышенным и благородным интеллектом» (См. «Сервант милитари» И. Лаурина).

Заворачиваются пописи диверсанта, уловника (неужели зачернуть) обычно такой величавой картиной: «Открыл (?) портюру и распахнул окно, полковник (майор, лейтенант — неужели зачернуть) жадно вдохнул предурегнуто свежесть весеннего воздуха!» (См. «Под чужим именем» В. Михайлова).

Появилось столько «Поединков», что их герои вполне могли бы составить два звена молодцеватых дуэлянтов. Возникло столько «квадратов» и «объектов», что из них можно было бы без титанического труда создать целый населенный пункт с улицами, бульварами и коммунальными банями.

— А идея? Вы что же, игнорируете эту необходимую часть нашей продукции? — раздается раздражительный голос из издательства.

Года три назад нам привезлось встретиться с эстрадным артистом узкого профиля. Это был представитель вымирающего племени мастодонтов глотателей керосина, бензина и других видов жидкого горючего.

Целомасст, — доверительно излагал мастодонт, — двадцать лет подряд я выхожу на сцену, мирно заглатывая два литра керосина, а потом расплываю губами, сложенными будто для пощелки. Движение заглазкой — и пары керосина вспыхивают на глазах почетных зрителей из первого ряда. Эффект потрясающий! Директора клубов жмут руки!..

Лицо мастодонта изобразило тоску. — Эстрада стала перестраиваться. И я решил обидеть свои выступления... Выхожу в цилиндре, бакенбардах и с зажатой сигарой во рту. Теперь номер называется «Долой поджигателей войны!» Распыляю керосин по-прежнему, но публика почему-то смеется...

Вот так же стала публика смеяться за последнее время и над некоторыми детективными творениями с видимой идейностью и видимо-невидимой шаблонностью и безвкусицей.

Спросите у редакторов газет и журналов — сколько раз в неделю им приходится пробегать критические письма и пародийные рассказы умудренных детективами читателей. Редакторы уже перестали вскрывать конверты. Они пересылают их дрожащей рукой авторам повестью: — Братцы, выручайте!

И братцы выручают. Братцы, подгоняемые сроками и гонораром, торопятся внести в очередные грани пейзажные картины, цитаты из античных рукописей и даже философические отступления, к примеру, такого глубокомысленного свойства: «Кроссворды были увлечением, страстью и отдыхом полковника... он обогащал свои знания в различных областях науки, культуры, истории...» (Л. Самойлов, В. Скворбин — «Прочитанные следы»).

Авторы плетут такие кружевные ниточки, что, будь жин Нюан-Дюль, наверняка он зарыдал бы от зависти и подался из классовки в небытие.

И верно, куда старшине Нюан-Дюль, скажем, до автора повести «Особая примета» С. Русанова? Не удовлетворяясь такими изысканными приметами преступника, вроде серых, как сталь, глаз и рыжих, как медь, волос, С. Русанов заставлял своих героев заглядывать, извините, во внутренности. Матерого шлона отыскивал при помощи рентгенодиагностики, запечатленного желчьный пузырь непредусмотренной конфигурации.

А баскервильская собака? Куда ей соревноваться, к примеру, с псом из рассказа С. Арефьева «Тайна полигона»? Отсталое четвероногое из романа Нюан-Дюль занималось, в основном, тем, что по ночам рычал на обитателей окрестных селений. Просвещенный пес из современного рассказа умеет лично фотографировать военные объекты посредством аппарата, запрятанного в глазом пролезе.

Но, странная вещь, сколько ни ухищраются авторы, какие таинственные подробности ни выводят на аван-

сцену, в большинстве таких произведений циркулируют мажорные сиамские близнецы, отличающиеся друг от друга разве только эрудирован в области криминальных методов ограбления, оравления, хищения...

РОДИТЕЛИ Алики вояре спохватились и посадили сына на доброе меню из увлекательных и поучительных книг. А мы знаем случаи, когда безостановочное поглощение детективных романов привело к весьма скорбным последствиям. Не очень давно в народном суде Фрунзенского района Москвы слушалось дело об ограблении двумя юношами Юрием Г. и Александром А. сейфа в государственном учреждении. Обвиняемые стыдливо признались, что действовали в точном соответствии с рецептами из детективной повести И. Шпанова — «Последний медвежий шаг». Был закуплен инструмент по списку, любезно угаданому в книге; были сняты слепки с ключей; как это по знанию дела предлагалось в повести; была разработана даже сигнализация такая, как описывается маститым автором.

— Что же вас толкнуло на этот поступок? — спросил судья.

— Романтика преступлений, — откровенно отвечали правонарушители. Мы много говорим о романтике трудовых будней. Раскрываем перед молодежью бескрайние просторы применения творческой инициативы. А томики в красной, синей и голубой и зеленой обложках делают свое несмысленное дело. И тут их не оправдывает даже такая дипломатическая фраза: «...Разве если предано огласке, как преступник вскрывал сейф, то это рецепт только для неустойчивого типа? А не указание ли это и для того работника охраны, розыска и следствия, которым надлежит следить за тем, чтобы такого не случилось?»

Да, указание... Но стоит ли путать задачи художественной литературы и пособий для вахтеров? А кроме того, разве дети, которые безостановочно читают детективы, — это люди с устойчивым, определенным характером? Юность — это не только порамантических мечтаний. Это еще и время, когда любое впечатление — хорошее или дурное — оставляет в душе глубокий след. И не лучше ли вместо того, чтобы излагать изумленному читателю методологию вскрывания сейфов и похождения полублагородных преступников, раскрывать пафос подвига честной?

Разумеется, надо быть бдительным к просякам наших врагов. Но надо быть бдительным и к вкусам, увлечениям юных читателей.

Написав такие серьезные строки, мы вдруг спохватились. Как бы педагогические литобзоры с перепугу не сочли бы эти строки, не дай бог, за разновидность коммюнов. Нет, конечно, это не коммюны, с их человеконенавистническими тенденциями. По замыслу они должны раскрывать гуманизм, мужество, сметку, присущие работникам советской разведки и милиции. Мы не хотим, чтобы угрюмые критические гурьверы воспользовались этим фельетоном как сигналом к повальному избению авторов детективных романов. Не надо перегибать. Есть отличный творческий метод — естественный отбор.

Позвольте предложить его для работы Воениздата, издательства ДОСААФ и периферии. Позвольте напомнить о нем Союзу писателей. Давайте обсуждать детективы. Это тоже литература — нужная, полезная. И емели принять к ней внимание общественности, тогда на полках библиотек рядом с романтическими солнечными произведениями А. Гайдара, увлекательными приключенческими книгами А. Толстого, В. Каверина, И. Василенько, С. Диковского и многих других займет подобающее место наш советский детектив — глубоководный, остроусюжетный и высокохудожественный.

И тогда разноцветные томиксы с чарующим грифом «Библиотека военных приключений» не будут прожужганы у Алики нездоровые инстинкты. И юный Зубарев не станет пугать деревянным пистолетом застенчивых прохожих.

Ян ПОЛИЩУК

В. ТЕНДРЯКОВ Местный КРЕСТИК

УТРОМ Родька, как всегда, собрался в школу: завязал книги и тетради в старый мамкин платок, надел пионерский галстук и долго, слоняная ладони, разглаживал мятые концы на груди (вчера после школы весь день таскал его скомканным в кармане), потом метнулся к столу.

— Давай, бабушка, ешь. Не то опоздаю. Бабка вместо того, чтобы проворчать обычно: «Успейте еще натрапезиться...», разогнулась у печки, ушла за переборку, быстро вернулась, прча что-то в вытанутом кулаке.

— Ну-но, дитячко... — позвала она. Родька с подозрением поносился на ее осторожно сжатый, словно державший в себе горсть живых таранов кулак.

— Мам, скажи, чтоб не надевала. На кой мне крест. Что я, старуха?.. Узнают про в школе.

— Мам, скажи, чтоб не надевала. На кой мне крест. Что я, старуха?.. Узнают про в школе.

— Мам, скажи, чтоб не надевала. На кой мне крест. Что я, старуха?.. Узнают про в школе.

Действие новой повести В. Тендрякова «Чудотворная», отрывок из которой мы публикуем, происходит в наши дни в деревне Гуминичи. В повести рассказывается, как деревенский мальчуган Родька нашел на берегу реки давным-давно пропавшую икону, считавшуюся чудотворной, как он отнес ее домой, и какие чудеса произошли в результате этого происшествия в простой и ясной мальчишеской прозе.

Полностью повесть будет опубликована в пятом номере журнала «Знамя».

— Мам, скажи, чтоб не надевала. На кой мне крест. Что я, старуха?.. Узнают про в школе.

— Мам, скажи, чтоб не надевала. На кой мне крест. Что я, старуха?.. Узнают про в школе.

— Мам, скажи, чтоб не надевала. На кой мне крест. Что я, старуха?.. Узнают про в школе.

— Мам, скажи, чтоб не надевала. На кой мне крест. Что я, старуха?.. Узнают про в школе.

— Мам, скажи, чтоб не надевала. На кой мне крест. Что я, старуха?.. Узнают про в школе.

воплем в Родьку прищуренными глазами, устрашающе переложив ла ремеш у руки в руку.

— Слышал, что тебе старшие говорят? Сжавшись, подтяв плечи, выставляв вперед белобрысые выхры, глядя исподлобья, как волчок, настороженно биствшими глазами, Родька тихо-тихо пододвинулся к двери, нахерывая на падец конец красного галстука.

— Прав... прав не имеете. — Вот я скину штаны и распущу права... — Верно, Варинька, верно. Ишь, умничек... — Вот я в школе скажу все... — Пусть-то сунулся — я учителям твоим глаза все выпыскаю. Небося, не икнее дело... Ко-му голова? — Верно, Варинька, верно.

Родька скался сильнее, с не-навязчиво стреляя глазами то в бабку, то в мать, чуть приметно двинул плечом в сторону двери.

— Сидишь сапоги! Ну, выстро!.. Ни в какую школу не пущу. Ну! — рука матери болела дернула за выхры. — Крестись, папенок! — Скажу вот всем! Скажу! Ой... Удар ремня пришелся по плечу.

— Сидишь сапоги! Живо!.. Пету тебе школы! Нету тебе улицы! На замок запиру! Второй удар, третий... Родька отчаянно, басом заврел, рванул за дверь, но бабка с не-привычной для нее резвостью перегородила дорогу, схватила за ухо.

— Ишь ты, лукавый. Нет, миленок, нет, встань-ко сюда. У матери же было красное, расстроенное лицо, на глазах тоже слезы.

— Что сказать надо? — Прос... прости... госпо-ди... — Только-то и простили.

— Когда лоб крестят, в пол не глядят, — сурово поправила бабка. — Ну-носа, на святому икону перекрестись. Еще раз, еще! Не бойся, рука не отсохнет.

Родька поднял глаза на угол и увидел сквозь слезы сердитые белки, уставившиеся на него с темной доски.

НА УЛИЦЕ с огородов пахло всполанной землей. Солнце обливало прокошенные тесовые крыши. Сквозь желтую прошлогоднюю траву пробивались на свет нежные, казавшиеся бы, беспомощные зеленые стрелки и сморщенные листочки.

Зрелая пора весны. Через неделю люди привынут к припекающему солнцу, и яркой зелени, появится пыль на дорогах... Через неделю, через полторы от силы весна перелетит на лето.

Сколько маленьких радостей сулит этот ясный день! После уроков можно убежать в луга. Там от разлива остались озерца-лужицы с настоявшим чаем. Можно выловить матерую, перезимовавшую лягушку, привязать к ее лапке нитку, пустить в озеро, глядя, как уходит она, обрадовавшаяся свободе, вглубь, во мрак непрозрачной воды, а потом взять да вытащить обратно — шалынь, голубушка, ты теперь у нас работашь водолазом, рассказано, что видела в воде.

Можно достать пригоршню мутновато-прозрачную лягушачью икру, пересчитать черные точки-ядрышки, а каждое ядрышко — будущий головастик.

В карман?.. А карманы неглубокие, легко может выпасть, а то и сам неаромно вытщиться вместе с нонином или резинкой. Лучше всего в шель куда припрятать, а на обратном пути надесть, честь честью явиться перед бабкой.

Родька остановился, торопливо принялся растегивать ворот под галстуком. Но из дома Ореховых вышел Васька, Родькин дружок. Под бумажным затертым пиджаком у него — новая рубашка, ярная, наяреного цвета, с другой не спугаешь. Даже галстук, много раз стиранный, вылинявший, бледней ее.

Васька олиндул: — Эй, Родька! Сколько времени сейчас? У нас холдин третий день стоят. В школу-то еще не опоздаю!

Подошел, поздравляя за руку. — Ты какую-то икону нашел? Старуха за это тебе кланяться будет. Право слово, мать говарит.

Родька, отвернувшись, ловя под галстуком непослушные пугонки, прча покрасневше от стыда, зло ответил: — Ты слушай больше бабку брехню. — Так ты не нашел икону? Врут, значит. — Подумайте, какая-то доска... Да что ты ко мне пристал? Вот дам в нос! — Но-но, ты не шибко, — но на всякий случай Васька отодвинулся подальше.

Спорить с Родькой он боялся. Где уж, когда даже девчонки дают сдачи. Васька — низкоросл, узкогруд, маленькие уши с постоянным напряжением торчат на стриженной голове, его подвижное лицо, по сравнению с ярко-желтой рубашкой, кажется сейчас бледным до зелени. Зато он пронырлив, все всегда узнает первым. Весь в свою мать, недаром же ту прозвали по Гуминичам Клавовой Сорочкой.

Обижено соля, Васька зашагал рядом, до самой школы не обронил ни слова. О КРЕСТЕ Родька скоро забыл. На перемене устранил «кучу мала», گذاд на березку «шупать» галчиные яйца... Но вот кончился последний урок, по школьному пугать неспокойными стайками разлетались ребята в разные стороны. Родька снова вспомнил о кресте. Вспомнил, что надо идти домой, что бабка, прежде чем дать повесть, потребует: «Перекрести лоб». Васька Орехов, которому было по дороге, стал вдруг неприятен Родьке: «Опять начнет спрашивать об иконе, пропади она пропадом, ему бы найти такое счастье...»

ГОДА два назад мне пришлось быть в Переделанье у Федина на чтении еще не опубликованных отрывков из его нового романа.

Меня поразило волнение, с каким Федин готовился в чтении новых глав перед людьми, в расположении которых к своему таланту мог быть уверен, оценку же едва ли считал решающей.

Федин волновался. Это можно было угадать из того, что он никак не реласался начать и все повторял: «А, может, не стоит?»; долго не мог разыскать нужные страницы, роясь в бесчисленных вариантах; закуривал трубку, забывал, снова закуривал; в его глазах все отчетливее проступало выражение сосредоточенности и тревоги. Так тревожится за живых людей, бесконечно тебе дорогих.

Его герои и пришли к нам совсем живыми. Слышны были их голоса, нетерпеливо хотелось знать их судьбу.

Я подумала: нам привелось застать писателя в редкую минуту, когда он держит в руках рукопись, еще такую горячую, что помнит биение своего сердца над каждым словом.

Как назвать подвизнический, счастливый и изумительный, не дающий ни на час покоя и отдыха, более чем сорокалетний, непрестанный труд писателя? — думала я, и про себя назвала: служение литературе...

Слово служение вновь пришло мне на ум, когда я прочла книгу Федина «Писатель, искусство, время».

Я не критик и не решилась бы выступить с критическим анализом большой и весьма сложной работы. Мои замечания — не больше, чем впечатления читателя, который несколько вечеров провел наедине с умной и талантливой книгой и закрыл ее с какими-то очень свежими представлениями о необычайных богатствах советской культуры, с острым чувством радости жизни.

Пытаюсь разобраться, откуда это чувство возникло.

В одной из статей, составляющих книгу «Писатель, искусство, время», Федин говорит: литератор должен обладать опытом переживания. С первых же страниц книги Федина я, читатель, ощущаю власть надо мною пережитого автором, и, должно быть, в этом и есть новизна и пленительность статьи («О Пушкине», открывающей сборник. И я заново сопереживаю с автором его восторг перед Пушкиным, боль за трагическую судьбу поэта, гнев против виновников гибели Пушкина).

Чем дальше читаешь — о вечных ли спутниках, как Федин назвал великих писателей прошлого, книги которых существуют всей нашей жизни, о современниках, о лучших писателях Запада, о писательском труде, — тем богаче, разнообразнее, ярче раскрывается личность самого автора. Федин — главный герой книги, и, допуская самые разноречивые суждения о ней, я думаю, что ее бесспорная и овесть существующая для нас ценность состоит прежде всего в том, что она рисует портрет писателя — нашего современника. Наш современник, одаренный крупнейшим талантом, неповторимой индивидуальностью, вобравший в себя и от-

Конст. Федин. «Писатель, искусство, время», «Советский писатель», 1957. М., 523 стр.

ПЛЕНУМ ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Третьего апреля в Уфе открылся под председательством Л. Соболева второй пленум Оргкомитета Союза писателей РСФСР. Основной вопрос повестки дня — «Состояние и задачи современной бакинской литературы». Доклады сделали Мустай Карим, Кирилл Мэрзин, Анвар Бикчентаев, Ибрагим Абдуллин, Изад Сотников. В начавшихся прениях выступили А. Валеев, А. Талиев, С. Михалков. Работа пленума продолжается. Отчет о нем будет дан в одном из ближайших номеров газеты.

четливо выразивший типические черты советской передовой литературной общественности!

Мне хочется проследить эти черты. «Если бы меня попросили назвать русских людей XIX столетия, которые могли бы служить для человечества образцом прозрачно чистой и героической нравственности, я первым назвал бы имя Чернышевского», — говорит Федин. Нравственная чистота — условие, без которого советского писателя быть не может! «Любовь к художнику слова не только тем больше, чем выше его искусство. Она тем больше, чем больше он — человек».

Говоря о нравственных задачах искусства, его долге перед обществом, Федин всей своей книгой убеждает в живительной силе социалистического реализма.

Талант, идейность, общность интересов с народом, нравственность, труд — вот фединские меры писательской и человеческой значимости.

Пережив войну четырнадцатого года в немецком плену, Федин пришел к революции с чувством России-роины. «Это чувство не упрядило революцией, а составило единство с ней. Большевики были патриотами. Все другие партии были против большевиков, потому что постыдно ушли от родины. Большевики постыдно отвергали».

Таков был первый рывок к коммунизму. Коммунистические идеалы, ставшие основой мировоззрения, — второй шаг, определивший писательскую судьбу Федина и его оценки современников.

Революция и писатель. Мне кажется, это — тема едва ли не любой критической статьи Федина, написанной в любви, начиная с двадцатого года. О талантах судит внимательный и зоркий талант, и оттого литература социалистического реализма, оцененная им, предстает перед нами в мощной общности своих устремлений и бесконечном разнообразии выражения. Книга Федина молотит наши познания и представления о сокровищах советской литературы, потому что его глаз, видя «прекрасное, здоровое и доброе, что является силой советской литературы», улавливает в ней прелесть «разности»; его критика с завидной убедительностью находит в писателе индивидуальное.

Следуя за автором, читатель открывает для себя многочисленные роды оружия, какими владеет искусство, полноластно покоря воображение, сердце и ум.

Это — горячая быстрота, «жесткая правда и несомная легкость воображения в прозе о гражданской войне В. Иванова, ставшей одним из истоков советской литературы. Это — привораживающий «бурным миром красок» и оптимистический талант Толстого. Это — «трепетное и восторженное» приметы писательского голоса Александра Фадеева. Это — «возвышенность и яркость» стихов Николая Тихонова, душевный склад которого «весел, глаз его меток, его товарищеский дух пылает огнем». Это — внимательность летописи народной революции Вяч. Шишкова, подлинность, наполненность происшествиями и столкновениями и жизненность романа Михаила Козакова и так далее.

Федин, изумленный читатель, как бы показывает: глядите, какими богатствами мы одарены!

Но все же: что в литературе наиглавнейшее?

«Она (литература) требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» — завет Пушкина, навсегда принятый Фединым. До последней страницы — спор с эстетством и формализмом, такой страстный, аргументированный столь убедительно, столь резко подкрепленный его собственным творчеством, что не верится: неужели и по сей час заблудшие умы не прозреют? Федин пристально наблюдает, как — от Пушкина, Толстого, Чехова и других

«вечных спутников» до современников — для большого писателя форма, будучи неделимой с содержанием, служит средством для выражения идеи, мысли и чувства. Задача формы как таковой не существует.

«Точность слова является не только требованием стиля, требованием здорового вкуса, но прежде всего — требованием смысла», — не перестает утверждать Федин, великолепно зная плейстерную и разную силу слова, наделенный ею в избытке.

При своей силе он — враг красивой, словесных безделушек, кокетства, он убеждает: для писателя работа над словом — пожизненная. «Надо! — очень оптимистический смысл заключен в призыве к позиционной работе над языком, без которого нет писателя. Значит, покуда ты жив, не существует границ совершенствованию».

В книге «Писатель, искусство, время» не все статьи написаны с равным темпераментом. Некоторые, например, вызовут споры и возражения. Так, неоправданно высока кажется мне оценка Михаила Зощенко, и любопытно, что и статья о нем менее других интересна. Или в статье «Мы были разные...», убедительно показывая отличие писателя, творчество которого движется страстью «ко всему создаваемому революцией», от играющих в литературу «Серрапионовых братьев», Федин напрасно обходит молчанием «манифест» Серрапионов, бывший в свое время знаменем их безыделиности и апологичности.

Но в своих заметках я хочу говорить о том, что составляет в книге Федина основное. Это — глубоко личный и общенный портрет писателя-современника, с его обширнейшей культурой, умом, кристально нравственным талантом и огромным опытом труда.

Масштаб таланта прямо пропорционален масштабам труда. Статьи Федина о писательском труде, при их лаконичности и профессиональной деловитости, исполнены пафосом благоговейного, аскетически строгого, неутомимо выискивающего отношения к труду.

Углубительные и поучительные картины жизни литературы и заражающий пафос труда адресуют книгу Федина не только литераторам, но и широкому кругу читателей.

В послесловии, обращаясь к библиотечкару, отдавшему силы «многотемному... служению книге», Федин говорит: «Изюком Вам кланяюсь и благодарю горячо за любовь Вашей жизни».

Думаю, читатель отнесет этот привет и к писателю.

В конце прошлого лета мы случайно попали в Ясную Поляну в выходной день, когда парь был непривычно беззвучен. Безмолвие сопровождало нас, когда мы шли аллеей старого «Заказа», где тонокостные березы так высоко вымахали вверх, что казалось, упираются вершинами в самое небо. Вдруг в пустом толокском «Заказе», тишина которого располагала к торжественным мыслям, мы встретили Федина.

Он приехал сюда работать, «убежав» в одиночество, и жил в домике Волконского, развешенный в уютной чужой комнате (ничего своего, кроме рукописей), не замечая нагромождения вокруг старомодных, неуклюжих вещей, безразличной к неудобствам быта.

На подоконнике на электрической плите грелся жестяной чайник, в ящике письменного стола — хлеб и масло. Федин умело и весело справлялся со своим незатейливым хозяйством. Я не подозревала в нем такой кипучей и легкой, почти озорной молодости. Наперекор сединам и годам!

Он работает — и молот. Работает — и счастлив. Работает — и сердце распахнуто навстречу всем добрым впечатлениям жизни.

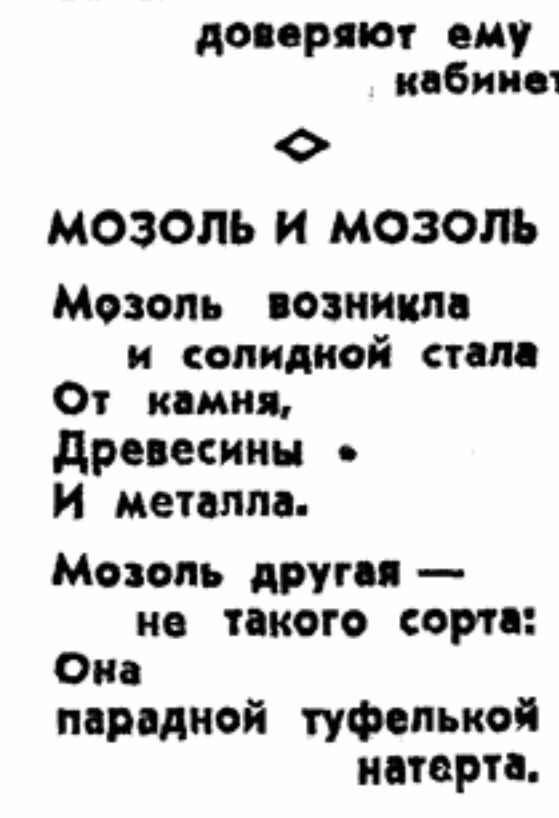
И отгадку думать, что служение литературе продолжается. Через литературу — народу и Родине.

Боясь обмануться некатам, Он вылезает на цитате.

Ни рыба, ни мясо, А скользкая масса. Не выскажет — «Да», Не выразит — «Нет»... Зачем доверяют ему кабинет!

Мозоль возникла и солидная стала От камня. Древсинный и металла. Мозоль другая — не такого сорта: Она парадной тувельной натерта.

Шкирко книга переплетена, Но... в переплете вся ее цена. Рисунки Н. ЛИСОГОРСКОГО

Среди невест вращается повеса. Но он — как спутник — Не имеет веса.

Луна пленила всех своей игрой, Едва лишь Солнце Скрылось За горой.

Читатели о книгах

ПОЭТ-КОНАРМЕЕЦ

СТАЛЬНОЕ КОЛЬЦО блокады все теснее и теснее сжималось вокруг молодой Советской России... Под легендарными знаменами Конной Армии сражался молодой поэт Александр Васильевич Маринов, вологодский крестьянин. В боях и походах, по неделям не покидая седла, он вынашивал свои песни, которые потом широко развлеклись по фронтам гражданской войны.

В этих песнях поэт-конармеец выразил суровую романтику революционного времени, непоколебимо решимость рабочих и крестьян отстоять завоевания Октября.

Прошли десятилетия, а песни Александра Маринова:

Гей! По дороге! Гей! По дороге, По дороге волею красное идет. Или: Рано утром, только солнышко взойдет, Вдоль по фронту кавалерия идет.

Кони резвые копытами стучат, Шапки острые на солнышке блестят.

— И сейчас живут в войсках, в народе... Их часто можно встретить в песенниках, услышать в исполнении ансамбля; они до такой степени вошли в жизнь народа, что имя Маринова даже не упоминается. А жал!

В архиве поэта мне удалось обнаружить еще несколько вхоженных стихотворений о Советской Армии, которые при жизни автора не были опубликованы. Вот одно из них, написанное во время гражданской войны:

Кто из нас, кавалеристов, Не горит огнем, когда Саблю с блеском и со свистом Опускаешь на врага.

— Шапки, вои! — звизжала команда. Кисть упала на эфес. Стали знои — и над рядами Митом вырос сабель лес.

Мощи полные копыта, Землю мечут в облака, — Все на свете позабыто У коня и седока.

Кто сильнее — конь или всадник? — Все слилось в один порыв! Рубка — лихорадка! Рубка — прыжок! Рубка — силы яркой взрыв! Н. СТОРОЖЕНКО МОСКВА

ДОРОГО И ПЛОХО

ДВЕ книги, близкие по содержанию, оказались рядом на моей книжной полке. Если судить по году издания, одну из них можно назвать «бабушкой», а другую «внучкой». «Бабушка» носит название «Эллада» (издание товарищества Вольф, 1900 г.), «внучка» называется «Всеобщая история искусства» (издание «Искусство», 1936 г.).

Книги стоят рядом, и трудно удержаться от того, чтобы не сравнить их. Увы! Сравнение это огорчило многих любителей искусства, которые подписались на «Всеобщую историю».

Впрочем, наши горячие начались еще до появления в свет этого детища Института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР. Не мало времени понадобилось издательству «Искусство», прежде чем первый том «Всеобщей истории» попал в руки любителей книги.

Можно было надеяться, что Академия художеств и издательство создадут шедевр полиграфического искусства, ведь недаром каждый том «Всеобщей истории» стоит семьдесят рублей!

И вот первый том получен. Искусствоведы дадут оценку его содержанию, мне же, рядовому любителю книг, хочется поговорить об оформлении книги. Оказалось, что «бабушка» — «Эллада» образца 1900 года куда привлекательней и симпатичней «внучки» образца 1936 года.

Вот «Эллада». Переплет из красной кожи, с надписями и рисунками, тисненными золотом, по-

сти не потерял своей красоты и блещет восемь лет ее жизни. Книга отпечатана на плотной глянцево-белой бумаге, в ней 410 рисунков и иллюстраций в тексты, из которых несколько цветных.

А вот «Всеобщая история искусства». Аполлон на суперобложке, стилизованный призрачный плохой качества серо-желтого переплет. Качество бумаги книги оставляет желать лучшего. В тексте очень мало рисунков, больше всего из них — в конце обьемистого тома, что создает неудобство при пользовании книгой. Цветных иллюстраций нет.

— В чем же дело? — подумай я. — Может быть, за шестьдесят лет забыты какие-то секреты, позволяющие хорошо оформить книгу?

Но тут мой взгляд случайно упал на прекрасно изданную «Книгу о вкусной и здоровой пище», и мне стало грустно. Грустно за Академию художеств и издательство «Искусство», которые не сумели хорошо оформить «Всеобщую историю искусства», издаваемую в нашей стране!

— Наверно, у оформителя и редактора «Всеобщей истории» нет «Книги о вкусной и здоровой пище»? А может быть, у них просто нет вкуса к красивым и хорошим книгам? — подумал я.

И в том, и в другом случае нужно им помочь. И заодно помочь десяткам тысяч подписчиков, которые хотят увидеть «Историю искусства», оформленную не хуже кулинарной книги.

С. БЕШЕЛЕВ, инженер СМОЛЕНСК

«К НОВОЙ ЖИЗНИ»

ПОД ТАКИМ заголовком в Сталинградском областном книжном издательстве вышла книга Е. Русскова, рассказывающая об установлении Советской власти в Царицыне и о событиях, связанных с обороной этого города от интервентов.

Читая книгу «К новой жизни», мы, старые коммунисты, снова почувствовали ту обстановку, которую видели своими глазами в первые годы революции. Каждый из нас — участник событий, отобранных в книге, увидел правду героической борьбы за социализм. Автору книги удалось просто и ярко, в больших и малых эпизодах показать роль Комму-

нистической партии во всенародном движении тех лет. Книга Е. Русскова, на наш взгляд, не только участником гражданской войны, но и советской молодежи. Желательно, чтобы такие книги возможно чаще появлялись на полках книжных магазинов. Нам хотелось бы, чтобы наши дети и внуки лучше знали путь своих делов и отцов, а благодарные потомки имели возможность видеть героический подвиг наших товарищей по оружию. И. ДОНСКОВ, В. КОРОЛЕВ, И. ЕГОРОВ и другие СТАЛИНГРАД

ноги. Не один Киנדя из Троицы вернулся с фронта калекой, но, кроме него, никто не бахвалился своей инвалидностью.

Часто, написавши пьяным, Киндя, сидя на кулушках посреди загаревского базара, рвал на груди рубаху, тряс кулаками, кричал: — Дня меня выне законов нету! Мог украть, могу обрести! — не засадят! И человек исполненный! Разодеть мне! Эй, вы! Кого убить? Кому пустить кровушку?

И, опираясь сильными руками на утюжки, перемывав обрубленное тело, бегал за народом, пугал женщин.

Его много раз, связанного, увозили в милицию, но дело до суда не доходило — жалели налену. Киндя больше всех на свете боялся одного человека — свою мать, ветхую старуху. Были, говорят, случаи, когда та останавливала его буйство одним выкриком: — Отрекись, нечестный!

Последнее время беззастенчивый Киндя вовсе утихомирился, был по-прежнему, но не буйнил, торговал из-под полы на базаре туфлями, отрезая, таскался вместе с матерью по церквам — то в Щелкановскую, то в загаревскую, то за шестьдесят километров в соседний район, в Ухтымы.

Об этих делах беззастенчивого Киндя, как и все ребяташки, Родька был слышал довольно подробно. Тем уяснее ему показалось, что этот Киндя, красномордый, опухший, с рыжей залупенной щетиной на тяжелом подбородке, мутными глазами и поднятыми выше ушей плечиками мужик, держась за ручки своих обшитых кожей утюжков-подпорок, стал молчаливо с размаху кланяться.

Старуха же с крахотаньем поднялась, с наутро разогнувшись, по-деревяному переставляя откешие от сидения ноги, динулась к оторопелому Родьке. У нее был острый нос, вывалившиеся, почти без верхней губы, угловатые и голубые, по-молодому прощальные, словно высказывающие вперед лица глаза. Сморгенная, темная рука цепко схватила Родькину руку.

— Понажись-но, понажись, любой, — голос ее, шамкающий, был в то же время громок и скрипуч. — Да чего рывешься-то, не укушу... Вот, значит, ты какой! Ой, не верю, не верю, что вторым Пантелеймоном-праведником будешь. Нету в твоих глазах благолетия. Ой, нету. В бабку свою весь, а от граничской плоти неча ждаться благости... Она обернулась к своему кланяющемуся сыну. — Ну, хватит ветер лбом раздуть. Ишь, парень-то оробел от твоего дикого виду. Пусти, слышь.

Беззастенчивый Киндя покорно перевалился со стулечка на землю. Пока Родька, с испугом косясь, поднимался в дом, тот успел три раза с размаху поклониться, показав Родьке плещившую макушку.

Но и дома, тоже сидела гости. Согнутая, словно притогнувшаяся сорваться с лавки, вырнувшись в дверь, Жеребиха завела свою обычную песню:

— Лично что-то бледненько? Видать, напу-жали эти океаны, ведьма трюнкача со своим идолом обрубленным.

Кроме Жеребихи, Родька увидел еще двоих — Мянжишеву с женой, маленький, вокруг лысины золотой младенческий пушок, округленное веселым веснушками лицо — круглого, ведро сияет виноватой улыбкой, как застенчивое змие солнышко. Он руководил гумнищенским сельпо, выступал на заседаниях, числился в руководящем активе. Жил он около магазина в большом частном доме зеленой железной кншеи. Начальники, приезжавшие из района, останавливались на ночь только у него. За всю свою жизнь Мянжишев никого, верно, не обозвал грубым словом, и все-таки многие его не любили. Председатель гумнищенского колхоза Иван Макарович не скрывался, обзывал: «Будничная кошка. Стаит да полагается — глядишь, и с рук сходит».

Увидав у порога Родьку, Мянжишев так радостно вытнул шею, что на минуту показалось — вот-вот выскочит из своего просторного, с жеманными лацканами пиджака, не только щечки, даже уши его динулись от улыбки.

Беременная жена Мянжишева уставилась на Родьку выкаченными черными глазами, которые сразу же мокро заблестели. — Экая ты, Катерина, — с досадой проговорила Родькина бабка, — что толку волю слезам давать. Бог даст, все образуется. Родичи еще, как все бабы. Мало ли доктора обшуются.

При виде слез у жены Мянжишев снаюженно заерзал, забормотал: — В страхе живу, покой не знаю. — Он с расстроенной улыбкой повернулся к Родьке. — Может, это счастье наше, что ты, миленький, чудотворную-то напел.

Родька, ошеломленный встречей с беззастенчивым Киндей, сейчас затравленно свирася. С ума все пошло! Дале Мянжишев и тот и чудотворной песни! Вдруг да тоже просить будет. Бензат, пока не поздно! А куда?

Выручила бабка. Она поднялась из-за стола, спросила непривычно ласково: — Проголодался, небось, внученька? Вот яшечку тебе готовлю... Что-то матери твоей долго нету? Пора-то обеденная... Все в колхозе да в колхозе, от дому отбился.

Пока бабка орудовала у шестка, жарила на нашинпанной лучине яшечку, Родька, словно связаный, сидел у окна, косил глазом на улицу.

Жена Мянжишева тихо плакала, утирала слезы склянчанным платочком. Сам же Мянжишев с кисленькой, виноватой улыбкой просительным тороном оправдывался. — Я так считал: оттого и непорядки в жизни, что люди от религии отступились. А без веры в душе никак нельзя жить. — Истинно. Забыли бога все, забыли. По грехам нашим и напасть, — скромничко поддакивала со стороны Жеребиха. — Вера-то ныче — вроде клейма какого.

Меня взять в пример... Мне бы не днем полагалось прийти к вам, а ночью, потаяно, чтоб ни одна живая душа не видела. Человек я на примете, хоть и маленький, но руководитель... Вдруг да потянут, обсуждать начнут, косточки перестарать. Легко ли терпеть... — Ничего, за бога и потерпеть можно, — отозвался от шестка бабка.

— Так-то так, — не совсем уверенно согласился Мянжишев. — Только чего зря нарываешься. Упрощу, добрые люди, лишка-то не треплите языком, что-де я сам жену-то приво-дил.

Заполнив избу аппетитным запахом, бабка с грохотом поставила на стол скоророду, пригласила Родьку: — Садись, золотце, ешь на доброе здоровье, — и, повернувшись к гостям, стала рассуждать: — Он у нас не какой-нибудь несудух, чтоб лба не перекрестил, за стол не сядет. Помолись, чадушко, господу.

Бабка мельком скользнула взглядом. Родька лишь на секунду увидел ее желтые, в напряжении собравшиеся морщинами глаза, но и этого было достаточно, чтоб понять: ослушаешься — век не будет прощенья.

— Ну, чего мнешься, сокол? Садись за стол, козь просят. Ну... Садись да бога помни. Правая рука Родьки, глядела, лгущаяся, с деревянным непониманием поднялась ко лбу. За его спиной, громко всхлинув, запримечала Мянжишка: — Роденькин мой, помолись за меня, грешнику. По гроб жизни благодарить буду... Родька съехался...

НИКОГДА еще так не радовалось синее небо, несмелый ветерок с лугов. Вырвался из дому, от бабки, от Жеребихи, от Мянжишки, от беззастенчивого Киндя — подальше от села! Нат вем всем, ищите ветра в поле! За усдабными запыхавшийся Родька пошел медленнее.

Теплый, рыжий, весенний луг лежал под солнышком. Мяснисто черная дорога, вылившаяся по холмам, улеглась к лесу. Сам лес пока холодный, лиловый, то там, то сям краплен мокрыми семейками темных слей. Он скоро прогреется, наглухо затянется листвой, из его глубинны поплывут уныло-нежные «ку-ку».

Нет, нет, не верит Родька, что все изменилось. Мало ли чего ни случается дома. День, другой — и все пойдет опять так, как шло прежде. Надо немного потерпеть и побольше думать о другом, приятном... На днях в клубе покажут новую кинокартину. Афиши уже расклеены, — парень в красноармейской шапке, которые носили еще в старую войну, позади него дымя и огонь от пожара, скачут люди на лошадях с шапками. Это кино о Павле Корчагине. Родька знает, что про него написана целая книга. Васья Орехов зимой взял ее в библиотеке и дал Родьке только на три дня. Разве за три дня успеешь прочитать до конца, когда книга-то толще учебника. Сам-то Васья «Робинзона Крузо» целую неде-

лю у себя держал. Родьке из-за него от библиотекарши пошло... Мать всегда дает деньги на кино, и теперь не откажет. Это у бабки пятачок не выпросят...

Скоро экзамены. Каждый год после экзаменов в школе бывает вечер самостоятельности. К нему давно уже начали готовиться. Все село приходит смотреть. Юрка Грачев из седьмого класса играет на баяне. Ванька Лупцов и Гришка Самохин покажут смешную песенку — называется «Хирургия». Гришка дьячка играет, которому зуб рвет клещами. Он может насмеяться, иной раз начнет рассказывать — хватятся за животыки.

Родьке бы хотелось сыграть матроса, чтобы гранаты на поясе, винтовка на плече, на голове бескозырка с ленточками. Но таких пьес что-то не отсыkali... Зато он выучил стихотворение: «Смело, братья! Ветром полный парус мой направь я...» Стихотворение подходит — о море, о буре... Конечно, на вечер придет председатель Иван Макарович, он моряк, ему понравится. Может, у Ивана Макаровича мичманку попросить на выступление? Выйти в матросской фуражке на сцену и прочитать: «Будет буря: мы поспорим и поуможем с ней!» Только, наверно, мичманка-то Ивана Макаровича будет великовата для Родькиной головы...

Пусть дома икону обхаживают, наплевать на это. Он, Родька, как-нибудь перетерпит, будет меньше дома бывать, да и терпеть-то, наверно, придется не век. День, другой, — глядишь, все утрясется, все пойдет по-прежнему.

Далеко, на другом конце луга, Родька увидел несколько маленьких фигурок. По напарежно-желтой рубахе, ясным пятнышком горевшей среди однообразно рыжей земли, он узнал Ваську Орехова. С ним, видно, и Пашка Горбунов, и Венька Лупцов — вечная компания. Не успев задуматься, что же они там затеяли, какое ра-звлечение идет его, Родька без до-рогой, лопая остатки прошлогоднего репейника, полаяла ногами в расквашенную весенней водой дерюшину, бросился бегом.

Ребята топтались на берегу залитого водой плоского овражка. Двое из них были без рубах, только Васька Орехов продолжал светлито прыгать в своей яркой, канаречной. Ах, вот оно что — купаться надумали!

В реке вода еще мутная, неустоявшаяся, на-верняка холодная до лопоты, сохранившаяся даже запах растаивающего снега, — купаться нельзя. Зато высыхающие луговые озера, оставшиеся после половодья, уже прогреты солнцем. — Э-э-ей! — закричал Родька. — Че-ерт! Меня обожидет!

Длинный Пашка Горбунов стоял у самой воды, втянув голову в плечи, на окрик недо-вельно оглушался. Венька Лупцов, выгнув смуг-лую гибкую спину, сидел на корточках возле одежды, дожидая бегущего Родьку с любопыт-ством и удовольствием. На его чудазой физио-номии выражалась надежда, — может, Гра-чонок первым нырнет? Васька Орехов в своей

канаречной рубахе, но без штанов, смущенно стоял в стороне, похлопывал себя по лиловым коленам.

Родька подбежал, бросил с размаху картуз на землю. — Топчетесь? Небось, мурашки едят? — Сам-то, поди, только с разгону храбрый, — ответил Венька.

— Эх! Родька скинул пиджак, рывком через голову стащил рубаху, сел на землю, принялся с уси-ленным шмыгом с ноги мокрый сапог. — Эх, вы! Ушли и не сказали...

Но тут он заметил, что Пашка Горбунов, сле-по щурясь, сделал шаг от воды. Венька Луп-цов, влившись в грудь Родьке черными, на-стороженно заблестевшими глазами

